

**Санкт-Петербургский государственный университет
Исторический факультет
Кафедра истории древней Греции и Рима
Центр антиковедения**

МНЕМОН

**Исследования и публикации по истории
античного мира
Под редакцией профессора Э.Д. Фролова**

Выпуск 8

**Санкт-Петербург
2009**

Л.Г. Печатнова

Способы отрешения от власти спартанских царей

Прижизненное отстранение царя от власти – явление в спартанской истории нередкое. Цари как любые полисные магистраты были людьми ответственными. За все свои действия они отвечали перед спартанской общиной и в случае совершения ими каких-либо должностных или уголовных преступлений они, как и любые рядовые граждане, преследовались по суду. Судебная палата, которая выносила приговор царю, как правило, состояла из высших сановников государства: эфоров и геронтов. Но это была скорее обычная практика, чем строгое предписание закона. При отсутствии в Спарте постоянно действующей судебной коллегии, судом высшей инстанции считалось, по-видимому, народное собрание. И действительно, есть некоторые, правда далеко не однозначно толкуемые свидетельства, что в отдельных случаях судьбу царей решала именно апелла. Приговоры, выносимые царям или членам их семьи, были следующие: денежные штрафы, причем, как правило, очень большие, конфискация имущества, разрушение дома, изгнание, лишение царского звания и, наконец, смертная казнь.

Спартанское государство очень тщательно следило за своими царями, подавляя в зародыше их тенденцию к самостоятельности. Свидетельство тому – судьба многих спартанских царей, большинству из которых не довелось спокойно умереть в собственной постели. Древние источники единодушны в том, что наибольшее давление со стороны эфоров цари испытывали в V в. до н. э., когда влияние эфората на все стороны спартанской жизни достигло своего максимума. Именно в этот период многие цари под тем или иным предлогом были лишены власти, причем некоторые из них подвергались суду несколько раз, как например царь Клеомен I. Дважды судим был также герой

Греко-персидских войн регент Павсаний и его тезка царь Павсаний, современник и оппонент Лисандра.

Чаще всего предметом для судебного разбирательства было поведение царя в действующей армии. Любая неудачная военная кампания была чревата большими неприятностями для царя-главнокомандующего. Эфоры относились к таким историям с крайней степенью подозрительности и, как правило, становились инициаторами судебного преследования царей, подозреваемых в получении взятки от противника. Подобные обвинения уже в V в. до н. э. становятся стандартными.

В основу данного обзора положен материал, относящийся в основном к V – началу IV вв. до н. э. Такой выбор объясняется просто – именно этот период спартанской истории оказался наиболее богат примерами расправ над царями. До сер. VI в. до н. э. мы за редким исключением¹ не имеем никаких сведений о спартанских царях за исключением разве что их имен и иногда – продолжительности их правления². Нет никаких данных и о судебных преследованиях царей в течение полутора веков между изгнанием царя Павсания в 395 г. до н. э. и казнью царя-реформатора Агиса IV в 241 г. до н. э.

В спартанской судебной практике существовали «определенные шаблоны»³ для процедуры смещения царей, которых эфоры сочли опасными для существующего порядка. Царей чаще всего обвиняли в государственной измене или коррупции. Иногда и в том и в другом одновременно. Перечислим известные нам случаи подобного рода обвинений в хронологическом порядке.

---

¹ Таким исключением являются цари Феопомп и Полидор. Это первые цари, время правления которых приблизительно известно, – 2–я пол. VIII или 1–я пол. VII вв. до н. э. Согласно традиции они были современниками и участниками Первой Мессенской войны.

² Список царей в Спарте открывают Еврисфен, который согласно хронографической традиции правил с 1103/2 по 1062/61 гг. до н. э., и его брат-близнец Прокл. Некоторые из царей, особенно в начале списка, скорее всего, являются мифическими фигурами. Их имена, продолжительность правления и порядок наследования сообщают в самой краткой форме Геродот (VII. 204), Павсаний и древние хронографы.

³ На это обратил внимание, в частности, С.Я.Лурье. По его словам, в Спарте «было выработано несколько определенных шаблонов для устранения царей, вредных для существующего общественного порядка» (Лурье С.Я. История античной общественной мысли. М.: Л., 1929. С. 179).

Список открывает **Клеомен I, царь из династии Агиадов (годы его правления – около 525 – 488)**⁴.

Этот царь не раз вступал в конфликт с эфорами. Дважды его судили как взяточника, но оба раза Клеомен добился оправдательного приговора. Погиб он в 488 г. до н. э., став, скорее всего, жертвой своих политических противников, которые расправились над царем, не прибегая к какой-либо судебной процедуре.

Клеомен был первым царем, с именем которого, насколько нам известно, были связаны дела о коррупции⁵. Царя в течение его правления несколько раз обвиняли во взяточничестве. Нередко дело даже доходило до суда, но согласно традиции доказать факт получения Клеоменом взятки так ни разу и не удалось.

По свидетельству Геродота, первый раз инициировали судебный процесс против Клеомена его политические противники. Из обстоятельного рассказа Геродота о правлении Клеомена совершенно ясно, что речь идет прежде всего о царе Демарате и его сторонниках. Они обвиняли Клеомена в том, что он во время похода против Аргоса в 494 г. до н. э. не взял город только потому, что был подкуплен аргивянами. Клеомен сумел убедить в своей невинности большинство судей, приведя самый убедительный

---

⁴ О Клеомене см.: Строецкий В. М. Некоторые особенности внутри-политической борьбы в Спарте в конце VI – начале V в. до н. э. Клеомен и Демарат // ВДИ. 1982. № 3. С. 38 – 49; Кулишова О. В. Спартанский царь Клеомен и Дельфы // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 2. СПб. ун-т, 2003. С. 65 – 88; Суриков И. Е. Античная Греция. Политика в контексте эпохи. М., 2005. С. 211 – 269; Печатнова Л. Г. Спартанские цари. М., 2007. С. 82 – 141.

⁵ Уже во времена Геродота о спартанцах ходила дурная слава как о народе, особенно жадном до денег. Геродот рассказывает несколько историй, демонстрирующих сребролюбие спартанцев. Часть из них относится к VI в. до н. э. (III. 44 – 46; 56; VI. 86). В V в. до н. э. взяточничество в среде спартанского высшего сословия стало восприниматься как вполне рядовое явление. Так Фукидид, рассказывая о судьбе Павсания, героя Греко-персидских войн и члена царской фамилии, замечает, что тот подчинился требованию эфоров и вернулся из Малой Азии в Спарту только потому, что надеялся «уладить дело подкупом» (I. 131. 2). Характерен в этом отношении анекдот, передаваемый Феофрастом, согласно которому «ежегодно Перикл отправлял из Афин в Спарту сумму в десять талантов. Эти деньги, – поясняет Феофраст, – он распределял между всеми должностными лицами и таким образом отвращал опасность войны...» (Theophrast. ap. Plut. Per. 23).

для спартанцев аргумент: он сослался на волю богов. По словам Клеомена, сама Гера подала ему ясный знак, что не желает продолжения этого похода.

Геродот называет тот орган власти, перед которым было возбуждено дело против Клеомена, – это коллегия эфоров (VI. 82. 1). Но значит ли это, что и судейская коллегия состояла исключительно из эфоров? Такому предположению противоречит заключительная фраза Геродота о суде над Клеоменом: «слова Клеомена (в свою защиту – Л.П.) показали спартанцам убедительными и правдоподобными, и он был оправдан значительным большинством голосов» (VI. 82. 2). Из этой фразы следует, что дело Клеомена разбиралось или в апелле или в герусии. Если учесть, что в классический период герусия в Спарте, как правило, выступала в качестве высшего уголовного суда (Хен. Лас. пол. 10. 2; Агист. Пол. II. 9. 25. 1271 а; Плут. Лус. 26), то под судьями, оправдавшими Клеомена, вероятно, надо понимать членов герусии. По мнению большинства исследователей, только герусия, куда *ex officio* входили также эфоры, могла судить спартанских царей (Paus. III. 5. 2)⁶. В предании не сохранилось ни одного ясного указания на то, что суд над царями когда-либо происходил в народном собрании. Но нельзя полностью отвергнуть и аргументы, которые приводят некоторые современные ученые в пользу именно такого решения⁷.

⁶ См., например: Levis D. *Sparta and Persia*. Leiden, 1977. P. 43 f.; Drews R. *Basileus: the evidence for kingship in geometric Greece*. New Haven; L., 1983. P. 80.

⁷ Так Д. Макдоуэлл полагает, что, по крайней мере, в двух случаях, когда речь шла о царской власти, судебное разбирательство проходило в апелле (McDowell D. M. *Spartan Law*. Edinburgh, 1986. P. 134 f.). Именно так, по его мнению, можно понять слова Геродота и Ксенофонта: «*Спартиаты* решили спросить оракул в Дельфах» (Her. VI. 66. 1) – в случае с Демаратом, и «*город* выбрал царем Агесилая» – в случае с Агесилаем (Хен. Hell. III. 3. 4). Конечно, за этими общими формулировками вовсе не обязательно скрывается спартанская апелла, но полностью исключить такую возможность нельзя. В большинстве случаев, когда речь идет о функционировании спартанского государственного аппарата, древние авторы не называют того органа, который бы санкционировал ту или иную акцию, а просто говорят, что «спартанцы решили или сделали» то-то и то-то. Механизм принятия решений в Спарте, по-видимому, не носил публичного характера и часто, вероятно, оставался скрытым не только от иностранцев, но и от собственных граждан.

Не прошло и трех лет после первого судебного разбирательства, как Клеомена снова судили. Инициатором обвинения, как и в первом случае, был царь Демарат. Когда Клеомен в 491 г. до н. э. направился к острову Эгине, чтобы взять в плен руководителей персофильской партии, Демарату с помощью интриг удалось расстроить его планы (Her. VI. 50 – 51; Paus. III. 4. 3) и тем самым помешать Клеомену успешно завершить уже начатое военное предприятие. Стараниями Демарата Клеомен был срочно отозван в Спарту и снова предстал перед судом (Her. VI. 49 – 51; 61). В источниках нет сведений о сути обвинений, выдвинутых Демаратом против Клеомена, но, скорее всего, речь шла о подкупе. Демарат мог утверждать, что Клеомен был якобы подкуплен афинянами, которые действительно были чрезвычайно заинтересованы в ослаблении Эгины. Даже Геродот, приводящий, как правило, негативный вариант предания о Клеомене, утверждает, что Демарат «оклеветал Клеомена, когда тот переправился на Эгину, чтобы наказать там сторонников персов» (Her. VI. 64).

Клеомен дважды был судим по очень похожим обвинениям – ему инкриминировали получение взятки от врагов Спарты за принятие решений, идущих во вред спартанскому государству. Но оба раза он, судя по рассказу Геродота, легко сумел оправдаться. Повидимому, Клеомен настолько был уверен в себе и своих сторонниках, что оба раза спокойно являлся на суд и успешно себя защищал. Ситуация однако резко изменилась после того, как в Спарте стало известно о тех манипуляциях, включая подкуп Дельфийского оракула, с помощью которых Клеомен избавился от своего главного политического противника царя Демарата.

Хотя Клеомен сумел блестяще провести кампанию по устранению Демарата, это оказался его последний успех. Очень скоро, самое большее через год после второго суда, снова всплыла история с отстранением Демарата от власти, и на этот раз Клеомену не удалось выйти сухим из воды. Когда стало известно, каким бесчестным способом Клеомен лишил Демарата царской власти, в Спарте разразился скандал, и Клеомен, не дожидаясь очередного судебного разбирательства, бежал из страха перед наказанием сначала в Фессалию, а затем к аркадянам. Пospешное бегство Клеомена объясняется тем, что у него, по-видимому, на тот момент не было никакого шанса оправдаться. Он боялся, что будет лишен царского звания точно так же, как годом раньше его стараниями это произошло с Демаратом.

Поведение Клеомена в изгнании сильно отличается от поведения прочих опальных царей. Так, например, цари Леотихид (Her. VI. 72; Paus. III. 7. 9 – 19) и Павсаний (Xen. Hell. III. 5. 6 – 7. 17 – 25; Paus. III. 5. 6 – 7; Plut. Lys. 28 – 29; Diod. XIV. 89), оказавшись в изгнании, даже не пытались силой вернуть себе трон и спокойно доживали свой век за границей. Клеомен, напротив, сразу же по прибытии в Аркадию развил бурную деятельность, убеждая аркадян выступить против Спарты (Her. VI. 74).

Антиспартанская агитация Клеомена в Аркадии, целью которой, скорее всего, был выход аркадских полисов из Пелопоннеской лиги, сделала опального царя государственным преступником в глазах всех спартиатов. В обычной для спартанцев манере (его убедили вернуться, клятвенно пообещав, по-видимому, снять с него все обвинения) Клеомена выманили из Аркадии только для того, чтобы арестовать и казнить. Формой казни было вынужденное самоубийство⁸. Версия о принуждении к самоубийству принадлежит не античности, а новому времени. Геродот утверждает, что сразу же по возвращении из Аркадии Клеомен впал в безумие и покончил жизнь самоубийством, нанеся себе множество ран (VI. 75). По всей видимости, Геродот озвучил официальную спартанскую версию, согласно которой царь довел себя до безумия из-за распущенности и безудержного пьянства: якобы он, «общаясь со скифами, научился пить неразбавленное вино и от этого впал в безумие». Версия о безумии царя, вызванном пьянством, и суициде как результате полного помрачения рассудка, скорее всего, возникла уже после гибели Клеомена (Her. VI. 84). Массированная пропаганда, ведущаяся как внутри, так и вне Спарты, оказалась успешной, и Клеомен в древней традиции предстает безумцем и святотатцем, которого сами боги лишили разума и заставили покончить с собой (Her. VI. 75; 84). Традиция о пьянстве Клеомена дошла до поздней античности (Aelian. V. h. II. 41).

Но слишком удобной для спартанских властей была версия о внезапном безумии царя, чтобы безоговорочно поверить в ее реальность. В отличие от древних современные исследователи⁹ видят, как правило, в гибели Клеомена политическое убийство, со-

---

⁸ О политических суицидах в Спарте см.: David E. Suicide in Spartan Society // Spartan Society / Ed. Th. J. Figueira. Swansea, 2004. P. 25 – 47.

⁹ Об их взглядах см.: Печатнова Л. Г. Античное предание о гибели спартанского царя Клеомена I // Античный мир и археология. Саратов. 2006. Вып. 12. С. 52 – 65.

вершенное по распоряжению эфоров. Над Клеоменом учинили *внесудебную* расправу и не столь уж важно, в форме вынужденного самоубийства или прямого убийства.

Расправа над Клеоменом вполне вписывается в обычную для спартанских властей реакцию на крайнюю для государственных устоев опасность. А обвинение Клеомена в безумии – обычная для многих стран и эпох практика в отношении политических диссидентов. Клеомену не удалось безнаказанно подстрекать к восстанию против Спарты ее аркадских союзников, а возможно, и илотов. С ним поступили как с опасным государственным преступником. Сам факт беспрецедентной в спартанской истории расправы над царем свидетельствует о возросшей силе эфората. Судя по конечному результату, в своей борьбе с эфорами Клеомен не преуспел.

Клеомен стоит в начале списка тех политических деятелей Спарты, которые не смогли вписаться в систему и постепенно были из нее «выдавлены». Спартанские цари уже в силу имманентной сущности своей «должности» провоцировали конфликтные ситуации и друг с другом и с остальными ветвями власти. Это тем более было справедливо для сильных от природы личностей, каким бесспорно был Клеомен. Как заметил П. Родс, «Спарта была в существенной степени нетолерантна к людям со свирепой потребностью собственного индивидуализма, и трудно представить себе, чтобы герой-индивидуалист легко нашел бы себе место при господстве спартанской идеологии или идеологии любого греческого государства, которое имело институты и коллективизм полиса»¹⁰.

Регент Павсаний, член царского дома Агиадов¹¹. После Клеомена самой яркой фигурой среди спартанских политиков бесспорно является Павсаний. Он не был царем, но в течение нескольких лет исполнял обязанности царя. В 479 г. до н. э. он принял на себя правление в качестве опекуна своего несовершеннолетнего двоюродного брата Плистарха (Her. IX. 10; Paus. III. 4. 9 – 10). В том же году он одержал победу над персами

¹⁰ Родс П. Дж. Афинский театр в политическом контексте // ВДИ. № 2. 2004. С. 53.

¹¹ О Павсании см.: Паршиков А. Е. Павсаний и политическая борьба в Спарте // ВДИ. 1968. № 1. С. 126 – 138; Строгоцкий В. М. Афины и Спарта. Борьба за гегемонию в Греции в V в. до н. э. (478 – 431 гг.). СПб., 2008. С. 40 – 46.

при Платеях (Her. IX. 19 – 88; Plut. Arist. 14 – 20; Diod. XI. 29. 4 – 32). Однако этот талантливый полководец и герой Греко-персидских войн проявил такое неуважение к союзным греческим контингентам, что очень быстро вызвал их недовольство и сильнейшее желание избавиться от подобного главнокомандующего. Но вряд ли грубое и высокомерное обращение с союзниками могло хоть в малой степени встревожить спартанские власти. Если бы дело было только в этом, на поведение Павсания закрыли бы глаза, как это не раз делали позже, когда после победы в Пелопоннесской войне Спарта стала госпожой Греции. Тогда спартанцы «прославились» на всю Грецию. Они обращались с членами своей державы как с собственными илотами, абсолютно не умея использовать какие-либо другие методы воздействия, кроме насильственных. Эфоры вмешивались в происходящее только в самых крайних случаях, когда речь шла о массовых репрессиях (Diod. XIV. 12. 2 – 9).

Что касается Павсания, то он вызывал большое недовольство в Спарте не столько своим грубым обращением с союзниками, сколько поведением, не соответствующим стандартам, обязательным для спартанских граждан. Фукидид с присущей ему точностью дает следующую характеристику поведению Павсания: «Его образ жизни, несхожий с установленными обычаями, и стремление подражать варварам давали множество поводов подозревать, что он не желает как равный подчиняться спартанским обычаям» (I. 132. 1).

Павсаний дважды привлекался к суду за свою двусмысленную позицию по отношению к персам и за поведение, сильно отличающееся от модели, принятой в спартанском обществе. Спартанцев, находящихся под его командованием, особенно раздражало то, что он окружил себя двором подобно восточному монарху. Но кроме демонстрации собственных амбиций Павсаний еще будучи главнокомандующим объединенными греческими силами совершил целый ряд поступков, явно провокационного характера, которые не могли не вызвать негативную реакцию в Спарте. Абсолютно скандальной и возмутительной представлялась спартанцам его женитьба на дочери Мегабата, сатрапа Даскилия (Her. V. 32). Тем самым он нарушил спартанский обычай, предписывающий жениться только на спартанских гражданках. О серьезности подобного проступка свидетельствует судьба царя Леонида, который в 242 г. до н. э. лишился трона, будучи обви-

ненным в том, что, находясь на Востоке, женился на дочери какого-то сирийского правителя и даже прижил от нее детей (Plut. Agis 10. 4; 11). Кроме того, Павсаний в тайне от спартанских властей оказал большую услугу персидскому царю Ксерксу. Он возвратил ему родственников, захваченных в плен в Византии (Thuc. I. 128. 4 – 5). По словам Фукидида, это был первый шаг Павсания к тому, чтобы завязать сношения с персами. Эта акция регента вполне «тянула» на обвинение в государственной измене, не говоря уж о дальнейшей переписке Павсания с Ксерксом. Говорили даже, что он обещал заставить всех греков стать вассалами Персии, если ему будет дана в жены дочь Великого царя. В результате многочисленных жалоб союзников на поведение главнокомандующего и на недовольство его собственных подчиненных Павсания отозвали в Спарту и судили. Его обвиняли в государственной измене главным образом за ведение тайных переговоров с персами. Но, тем не менее, оба раза суд его оправдал, хотя и отстранил от командования (Thuc. I. 94 – 95; 128 – 131; Her. V. 32; Diod. XI. 44; Plut. Arist. 23; Cim. 6). Такое снисходительное отношение к Павсанию Фукидид объясняет тем, что «достоверных доказательств вины Павсания как у властей, так и у его личных врагов среди спартиатов не было, чтобы на этом основании с твердой уверенностью покарать человека царского происхождения» (Thuc. I. 132. 1). Первый суд над Павсанием состоялся в 477 г. до н. э. Относительно даты второго суда надежных источников нет. Он мог иметь место между 476 и 469 гг. до н. э. (Diod. XI. 44 – 45; Her. Paus. 3; Just. IX. 1. 3). Оба раза Павсаний добровольно являлся в Спарту на суд «в уверенности, что уладит дело подкупом» (Thuc. I. 131. 2). Эта его уверенность должна была быть на чем-то основана. Он, как и все спартиаты, прекрасно помнил сравнительно недавнюю расправу над царем Клеоменом, и конечно, поостерегся бы предстать перед судом, если бы сомневался в исходе дела.

В обоих случаях снисходительное отношение к Павсанию, проявленное судейской коллегией, можно объяснить тем, что его связи с малоазийскими сатрапами и самим персидским царем не рассматривались, по крайней мере частью спартанской элиты, как большое преступление. Если вспомнить, что в 413 – 411 гг. до н. э. спартиаты заключили три тайных договора с персами (Thuc. VIII. 18; 37; 58) и вплоть до окончания Пелопоннесской войны воевали исключительно на персидские деньги, то снисходительное отно-

шение спартанцев к Павсанию как агенту персидского влияния не представляется таким уж удивительным.

Судьбу Павсания, скорее всего, решила его ориентация на илотов. Известные шаги к сближению с ними можно усмотреть в его поведении по отношению к илотам еще в бытность его главнокомандующим. Так он оказал им особую милость сразу после Платейской битвы. Минуя обычную процедуру изъятия трофеев, Павсаний «велел глашатаю объявить, чтобы никто не смел присваивать себе добычи, и приказал илотам снести сокровища в одно место» (Her. IX. 80). Тем самым он предоставил возможность илотам обогатиться, ибо часть добычи была ими украдена и продана жителям Эгины. Все это происходило при молчаливом попустительстве Павсания. По-видимому, уже тогда Павсаний имел достаточно серьезные мотивы, чтобы таким нетрадиционным и даже скандальным способом приобрести себе надежных союзников в лице наиболее подготовленных в военном отношении илотов¹². Это был его первый осторожный шаг на пути поисков возможных союзников. Однако любые контакты с илотами рассматривались всем спартанским обществом, а не только его элитой, как преступное подстрекательство к восстанию. В этом вопросе все спартанские граждане без исключения были единодушны. Согласно античной традиции, илотская угроза была основным фактором спартанской истории (Critias fr.37 Diels = Liban. Or. XXV. 63; Theopomp. ap. Athen. VI. 272 a; Myron. ap. Athen. XIV. 657 d), и спартиаты, уличенные в преступных контактах с илотами, неизменно приговаривались к смертной казни.

Именно переговоры с илотами, которым Павсаний обещал «свободу и гражданские права, если те поднимут восстание в поддержку его замыслов» (Thuc. I. 132. 4), стали для Павсания роковыми. Из слов Фукидида следует, что Павсаний с помощью илотов задумал низвергнуть существующий государственный порядок. Усилия регента не пропали даром: илоты поверили его обещаниям и были готовы поднять восстание. Однако вмешался случай. Павсания предал человек из его ближайшего окружения, скорее всего один из тех илотов, кто вместе с ним участвовал в Платейской

---

¹² По свидетельству Геродота, в спартанской армии в это время находилось около 35 тысяч илотов, сопровождающих своих господ (Her. IX. 10. 1; 28. 2; 29. 1).

битве¹³. Теперь эфоры смогли предъявить Павсанию обвинение, которое грозило ему верной смертью: они нашли доказательства его переговоров с илотами.

В глазах спартанской элиты это было самое тяжкое из возможных преступлений. Геронты и эфоры, до того весьма снисходительно относящиеся к многочисленным обвинениям, выдвигаемым против Павсания и уже два раза выносившие ему оправдательный приговор, тут были вынуждены проявить оперативность и прибегнуть к *внесудебному* способу решения проблемы. Ему дали возможность скрыться в святилище Афины Меднодомной. Здесь он был заперт и, в конце концов, умер от голода и жажды (Thuc. I. 132 – 134; Nep. Paus. 4 – 5; Diod. XI. 45 – 46; Paus. III. 17. 7 – 9; Arist. Pol. V. 1. p. 1301 b). Когда это произошло, точно неизвестно. Хронология последних десяти лет жизни Павсания до сих пор является предметом научной дискуссии, поскольку сведения древних на этот счет сильно расходятся. Те исследователи, которые доверяют Помпею Трогу, утверждавшему, что Павсаний находился в Византии 7 лет (Just. IX. 1. 3), т. е. с 477 по 470 гг. до н. э., дату гибели Павсания относят к 467/66 г. до н. э., скептики, считающие свидетельство этого позднего автора малодостоверным, датируют смерть регента 476 г. до н. э.

Как и в случае с Клеоменом, именно попытка Павсания апеллировать к потенциальным мятежникам, будь то илоты или соседние аркадяне, заставила эфоров энергично выступить против него и решиться на крайние меры. Однако стоит заметить, что эфоры предпочли дать Павсанию умереть на священной храмовой тер-

---

¹³ Как сообщает Фукидид, Павсания выдал его приближенный родом из Аргила. Общепринятым является мнение, что речь идет о городе в восточной Македонии. Но странным в таком случае кажется то, что, по словам Фукидида, «донщик отправился на Тенар как умоляющий о защите и построил там себе хижину» (Thuc. I. 133). Такое поведение было характерно скорее для илотов. Ведь на Тенаре находился храм Посейдона, служащий убежищем для илотов (Thuc. I. 128. 1). Поэтому высока вероятность, что этот человек был лаконским илотом. Как предполагают некоторые исследователи, переписчики текста Фукидида заменили непонятное им наименование обы Аркалия или Аргалия, которая была расположена близ Амикл, на название хорошо известного им города в Македонии (Beattie A. J. An Early Laconian Lex Sacra // CQ. 1951. № 1. P. 46 – 58; Jordan B. Kings and helots // Исседон. Альманах по древней истории и культуре. Екатеринбург, Т. III. 2005. P. 54).

ритории, чем казнить его по решению суда. Как и в случае с царем Клеоменом, здесь прослеживается нежелание правящей элиты брать на себя ответственность за вынесение обвинительного приговора в отношении члена царской фамилии. Легче было одного царя объявить самоубийцей, а другому дать умереть от жажды и голода в замурованном помещении, чем на основании судебного решения казнить их.

Гибель Павсания в святилище Афины Меднодомной была воспринята как внутри Спарты, так и вне ее как страшное преступление против богов (Thuc. I. 132. 4; Diod. XI. 45. 8). Отсюда берет свое начало т. н. Павсаниева скверна. В отличие от Килоновой она легла пятном на все спартанское государство, а не только на род Алкмеонидов, как было в Афинах.

Леотихид II, царь из династии Еврипонтидов (годы его правления – с 491 по 469). Кроме Клеомена Геродот называет еще одного спартанского царя, уличенного в получении взятки, – Леотихида II. Начав свое правление с ложной клятвы¹⁴, он и продолжил в том же духе. Вероятно, в 478/77 г. до н. э. Леотихид возглавил карательную экспедицию в Фессалию, направленную против проперсидски настроенных Алевадов, и, хотя первоначально действовал очень удачно, внезапно прекратил всякие военные действия. Геродот не сомневается, что царь получил от фессалийских Алевадов взятку. Он даже сообщает подробности этой «нехорошей» истории: «Хотя он (Леотихид – Л.П.) легко мог покорить всю страну, позволил подкупить себя большими деньгами. Леотихида застали на месте преступления: он сидел в своем соб-

---

¹⁴ Леотихид, представитель побочной ветви Еврипонтидов и троюродный брат Демарата, помог Клеомену избавиться от него (Her. VI. 65). Свой выбор Клеомен остановил на Леотихиде не случайно: у того была личная причина ненавидеть Демарата. По свидетельству Геродота, Демарат расстроил брак Леотихида с дочерью эфора Хилона Перкалой (VI. 65). Заговорщики начали с того, что активно стали распространять слухи о якобы незаконном происхождении Демарата (Her. VI. 61 – 64). Важная роль в этой истории, по-видимому, с самого начала была отведена Леотихиду. Принадлежа к тому же царскому дому, что и Демарат, он, вероятно, смог привести целый ряд правдоподобных аргументов в поддержку своей версии. Он же стал и официальным обвинителем Демарата. По словам Геродота, «Леотихид под клятвой обвинил Демарата, утверждая, что тот – не сын Аристона и поэтому незаконно царствует над спартанцами» (VI. 65. 3).

ственном стане на мешке, полном золота», который только что получил от врагов своей родины (Her. VI. 72; ср.: Plut. Mor. 859 D [De malign. Her. 21 c–d]).

В Спарте Леотихид был привлечен к суду, но, понимая, что он вряд ли будет оправдан, не стал дожидаться решения судебной коллегии. Он бежал в аркадскую Тегею, где скрывался на священном участке храма Афины-Алеи¹⁵, опасаясь, по-видимому, депортации а, может быть, и казни (Paus. III. 7. 9). Дом его по приговору суда был разрушен. Источники не сообщают, ограничился ли приговор только разрушением царского дома. Судя по аналогичным делам, цари, обвиненные в получении взятки, приговаривались также и к значительному штрафу (Плистоанакт и Агис II). Возможно, штраф был наложен и на Леотихида. Диодор (XI. 48. 2) датирует изгнание Леотихида 476/5 г. до н. э. В Тегее он оставался до самой своей смерти в 469 г. до н. э. (Her. VI. 72; Paus. III. 7. 9 – 10). Был ли он лишен царского сана после своего полудобровольного изгнания, неизвестно. Скорее всего, официально Леотихид продолжал считаться царем.

О судебных процессах по делам, связанным с коррупцией, кроме Геродота сообщает также Фукидид. По его свидетельству, два спартанских царя, правящих во 2-й пол. V в. до н. э., Плистоанакт и Агис II, обвинялись в получении взятки. Причем оба эпизода связаны были, как и в случае с Леотихидом II, с их военной деятельностью.

Плистоанакт, царь из династии Агиадов, правил с большим перерывом с 458 по 408/7 гг. до н. э. Царя Плистоанакта, сына победителя при Платеях Павсания, обвиняли в том, что в 446 г. до н. э. он вместе с эфором Клеандридом взял от Перикла 10 талантов или, согласно Эфору (fr. 193= Schol. ad Aristoph. Nub. 859), 20 талантов за то, чтобы увести войско из Аттики. Как фактически обстояло дело и по какой именно причине царь Плистоанакт, дойдя уже до Элевсина, отказался от нападения на Афины, неизвестно. В пользу того, что имела место взятка, свидетельствует отчет Перикла об израсходованных им суммах, среди которых значилось 10 талантов, издержанных, по словам самого

---

¹⁵ Согласно Павсанию, «это святилище издревле было для всех жителей Пелопоннеса наиболее чтимым и тем, кто обращался сюда с молением о защите, предоставляло наибольшую безопасность. Это ясно доказали лакедемоняне, не решившись даже потребовать выдачи Павсания, а еще раньше Леотихида...» (III. 5. 6).

Перикла, «на необходимое» (Plut. Per. 23. 1), или, как спародирует его слова Аристофан в «Облаках», «на надобности важные» (Aristoph. Nub. 859). Плутарх сообщает, что «народ принял эту статью расхода без всяких расспросов, не входя в расследование этой тайны» (Per. 23. 1). Такое отсутствие любознательности у граждан, присутствующих на народном собрании, можно объяснить только одним – все афиняне прекрасно знали, на что именно были потрачены вышеозначенные 10 талантов. Но с другой стороны, о том, что Перикл вел тайные переговоры со спартанским царем и подкупил его, с уверенностью говорит только Плутарх, автор поздний и не особенно заботящийся о точности передаваемых им исторических фактов. Более надежный в этом отношении Фукидид говорит лишь о подозрениях, которые не могли не возникнуть в Спарте после того, как Плистоанакт неожиданно прервал свой поход против Афин и вернулся с войском домой (Thuc. II. 21. 1). Дальнейшая деятельность царя в ходе Пелопоннесской войны, его активное участие в заключении Никиева мира и общее стремление к переговорам с Афинами свидетельствуют скорее о политической зрелости и решимости идти на компромиссы, чем о склонности к взяточничеству. Возможно, и ранее, в 446 г. до н. э., Плистоанакт, не желая чересчур ослаблять Афины, действительно вел переговоры с Периклом, но не о получении взятки, а о заключении мира на выгодных для Спарты условиях¹⁶. Стоит напомнить, что эта умеренная по отношению к Афинам политика будет характерна и для сына Плистоанакта царя Павсания. В конце Пелопоннесской войны Павсаний не даст Лисандру установить спартанский протекторат над Афинами и, более того, поможет восстановить там демократическую форму правления.

По возвращении спартанской армии из-под Афин Плистоанакта и Клеандрида судили. Эфора Клеандрида как старшего по возрасту и не защищенного царским саном, а значит уже потому более виновного, заочно приговорили к смертной казни. Не дожидаясь приговора, он бежал из страны далеко на запад, в южную Италию, где обосновался в Фуриях (Thuc. VI. 104. 2; Polyae. II. 10; Strab. VI. 1. 14. p. 264). Что касается Плистоанакта, то его приговорили к огромному штрафу (согласно Эфору, штраф составлял 15 талантов – fr. 193 = Schol. ad Aristoph. Nub. 859). Юный царь то ли не захотел, то ли не смог выплатить его и, как утверж-

¹⁶ Лурье С. Я. История Греции. СПб., 1993. С. 345.

дает Плутарх, *добровольно* ушел в изгнание (Per. 22). В качестве места изгнания он выбрал соседнюю Аркадию. Здесь он скрывался на территории священного участка Зевса Ликейского близ горы Ликей (Strab. VIII. 8. 2. p. 388) «из страха перед лакедемонянами», как поясняет Фукидид (Thuc. II. 21. 1; V. 16. 3; Plut. Per. 22 – 23). Царское звание перешло на это время к его сыну малолетнему Павсанию (Thuc. III. 26. 2). Странным в этой истории кажется отказ Плистоанакта заплатить штраф. Царские семьи в Спарте обладали большими богатствами и вряд ли на Плистоанакта могли наложить штраф, который он a priori не в силах был выплатить. Скорее всего, царя приговорили к двойному наказанию: штрафу и изгнанию¹⁷. Но он, отправившись в изгнание, так и не заплатил, по-видимому, штраф. Вполне вероятно, что средства, вывезенные им из Спарты, понадобились в дальнейшем для подкупа лиц, способных оказать ему помощь в рассмотрении судебного решения.

По свидетельству Фукидида, опальному царю все же разрешили вернуться домой, правда только через 19 лет, в 427/6 г. до н.э. Своим возвращением Плистоанакт во многом был обязан дельфийским жрецам¹⁸. Фукидид рассказывает о методе, к которому прибегали жрецы, для того, чтобы добиться оправдания Плистоанакта. Желая ему помочь, жрецы постоянно давали спартанским послам, прибывающим в Дельфы, один и тот же совет: «Лакедемоняне должны вернуть с чужбины в свою землю потомка полубога Зевсова сына. Иначе им придется пахать землю серебряным лемехом»¹⁹ (Thuc. V. 16. 2; Plut. Pyth.

¹⁷ Г. Бузольт, а вслед за ним и некоторые другие исследователи предполагают, что Плистоанакт был заочно приговорен к смертной казни (Busolt G. GG III. 1. S. 428; Bonner R. J., Smith G. Administration of Justice in Sparta // CPh. Vol. 37. 1942. № 2. P. 117). Но вряд ли это так. Если бы ему действительно угрожала смертельная опасность, он подобно эфору Клеандриду выбрал бы себе более далекое убежище, чем соседняя Аркадия.

¹⁸ Дельфийский Аполлон нередко выступал в качестве арбитра между спартанской общиной и ее царями, защищая, как правило, последних. Об отношении Дельф и Спарты см.: Кулишова О. В. Дельфийский оракул в системе античных межгосударственных отношений (VII – V вв. до н. э.). СПб., 2001. С. 295 слл.

¹⁹ Смысл второй части оракула не очень понятен. Комментаторы, как правило, дают следующее толкование: в случае неисполнения прорицания спартанцам будет грозить голод и за привозной хлеб им придется платить немалую сумму денег (серебра).

ог. 19. 403 b). Богобоязненные спартанцы²⁰ вняли рекомендациям Дельф и вернули Плистоанакту царскую власть. Его возвращение в Спарту было обставлено такими торжественными и пышными церемониями, что о них как явлении исключительном посчитал нужным упомянуть даже Фукидид. Въезд Плистоанакта в Спарту, по словам Фукидида, сопровождался «плясками, жертвоприношениями и торжественными обрядами, какие были установлены для первых царей при основании Лакедемона» (V. 16. 3).

Фукидид прямо не говорит, что жрецы действовали в пользу царя, будучи подкупленными им. Но он сообщает такие подробности, которые заставляют думать о весьма высокой вероятности того, что царь использовал все средства, включая взятки, и с их помощью добился от дельфийских жрецов столь необходимой ему поддержки²¹. По словам Фукидида, в Спарте постоянно ходили слухи о «противозаконном возвращении» Плистоанакта из изгнания. Противозаконность, по-видимому, усматривалась в том, что царь использовал запрещенные средства, добываясь от жрецов регулярного провозглашения сфабрикованного по его требованию оракула.

Таким образом, возвращение Плистоанакта в Спарту – целиком заслуга дельфийского жречества. Этот уникальный случай еще раз подтверждает наличие особого рода отношений между спартанскими царями и жрецами в Дельфах. Стоит обратить внимание на время возвращения Плистоанакта: уже не первый год шла Пелопоннесская война, и спартанцы как никогда раньше нуждались в опытном полководце-царе. Этим, возможно, объясняется то, что они, наконец, решили прислушаться к рекомендациям Дельфийского оракула.

---

²⁰ Для спартанцев разного рода пророчества, по-видимому, были непосредственными указаниями к действию: ведь, как не раз отмечали древние авторы, спартанцы отличались исключительным благочестием (Plat. Alc. II. 149b; 150a) и больше прочих греков боялись божественных знамений (Paus. III. 5. 8). По словам Геродота, «веление божества они считали важнее долга к смертным» (V. 63).

²¹ Не сомневается в этом, например, современный американский антиковед М. Флауэр (Flower M. A. *Revolutionary Agitation and Social Change in Classical Sparta // Georgica. Greek Studies in Honour of G. Cawkwell. Bulletin Supplement* 58. 1991. P. 81).

Агис II, царь из династии Еврипонтидов, правил с 427/26 по 399 гг. до н. э.

Второй эпизод, имеющий отношение к теме коррупции в Спарте, приведен у Фукидида в связи с походом спартанцев и их союзников против старинного врага Спарты Аргоса в 419 г. до н. э. Этот поход возглавил царь Агис. Поведение Агиса под стенами Аргоса показалось спартанским властям настолько подозрительным, что они по возвращении царя из похода предприняли расследование. Оказалось, что Агис по неизвестной причине, может быть даже получив крупную взятку, вместо того, чтобы дать аргосцам генеральное сражение, внезапно, ни с кем не посоветовавшись, снял свой лагерь и ушел домой. При Агисе вопреки установленной практике (Her. IX. 76; Xen. Hell. II. 4. 36; Lac. pol. 13. 5) находился только один эфор²². Он также, вероятно, был подкуплен врагами. Ничем не мотивированный казался бы отказ Агиса от военной экспедиции в Аргос вызвал такое возмущение у сограждан, что сразу по возвращении домой он был привлечен к суду. Судьи сначала вынесли решение срыть его дом до основания, а на него самого наложить огромный штраф в сто тысяч драхм (около 17 талантов). Далее, по словам Фукидида, когда страсти немного улеглись, Агис как-то сумел оправдаться и добился помилования (по-видимому, факт подкупа доказан не был) (Thuc. V. 63; Diod. XII. 78)²³.

Но для самой царской власти в Спарте этот случай имел самые неприятные последствия. Фукидид в связи с этими событиями упоминает о введении нового закона, лишившего военачальника права принимать самостоятельные решения: «Лакедемоняне отказались от наложения штрафа и разрушения дома царя, но приняли по этому случаю постановление, какого еще никогда не было у них: они приставили к царю десять спартиатов советниками, без согласия которых он не имел права выступать с войском из горо-

²² Возможно, присутствие одного эфора вместо положенных двух объясняется тем, что военные действия велись сравнительно недалеко от Лаконии, на территории Пелопоннеса.

²³ Как сообщает Фукидид, Фрасил, один из 5 аргосских стратегов, который уговорил Агиса отказаться от сражения, был обвинен собственными согражданами в том, что он заключил перемирие со спартанским царем «без народного одобрения» и за это по решению суда даже был побит камнями (V. 60. 5 – 6). Это сообщение Фукидида вряд ли согласуется с версией о получении Агисом взятки.

да» (V. 63. 4). Хотя Агис при повторном разбирательстве его дела не был отстранен от командования и не лишился царского звания, но в дальнейшем он мог принимать только такие решения, которые были предварительно санкционированы чрезвычайной коллегией, состоящей из 10 советников. Однако некоторая двусмысленность текста Фукидида не дает возможности решить вопрос о том, стал ли этот штаб из десяти советников обязательным для всех царей после Агиса или только для самого Агиса. Судя по некоторым данным, советники при царях в IV в. до н. э., например, при Агесилае и Агесиполиде I (Xen. Hell. III. 4. 2; V. 3. 8; Plut. Ages. 6), составляли скорее их штаб и выбирались самими царями из ближайшего окружения, а не назначались эфорами. Так что, скорее всего, это постановление было принято *ad hoc* и распространялось только на Агиса в качестве наказания за неудачу его аргосского похода. С уверенностью говорить об этом постановлении как очередном этапе ограничения царской власти в целом, по-видимому, не приходится.

Уже на следующий год после суда Агис вновь был поставлен во главе спартанской армии. На этот раз спартанцы во главе с Агисом одержали победу над аргосцами и их союзниками под Мантиней. Эта победа, конечно, реабилитировала царя, но в дальнейшем Агис всегда демонстрировал большую осторожность в вопросах внешней политики. Он менее всего был склонен проявлять какую-либо инициативу и самостоятельность, строго придерживаясь той политической линии, которая предписывалась ему спартанскими властями.

Павсаний, царь из династии Агиадов, первый раз правил с 445/44 по 427/26 гг до н.э. под опекуном своего дяди Клеомена (Thuc. III. 26.2), второй раз – с 408/7 по 395/94 гг. до н.э. Причиной потери царского сана могла служить и крупная военная неудача, даже не сопровождаемая обвинением в получении взятки. Так царь Павсаний в 395/94 г. до н.э. был послан во главе спартанской армии в Беотию на помощь отряду, возглавляемому Лисандром. Однако он прибыл слишком поздно уже после битвы при Галиарте, в которой погиб Лисандр и весь его отряд. По возвращении домой Павсаний предстал перед судом и был осужден на смертную казнь по обвинению в государственной измене. Суд над Павсанием был организован, по-видимому, теми же самыми людьми, его личными и политическими врагами, которые уже пытались его осудить восемью годами раньше.

Тогда, в 403 г. до н. э., Павсания обвиняли в том, что он позволил афинскому демосу восстановить свою власть в Афинах, вопреки воле Лисандра. Последний самым активным образом поддерживал правление Тридцати тиранов и рассчитывал сохранить свое влияние на Афины и в дальнейшем. Благодаря редкой удаче – сообщению периегета Павсания – нам известен не только состав суда, но и результаты голосования: 15 членов герусии включая его коллегу царя Агиса II проголосовали за осуждение Павсания, 14 геронтов и весь эфорат в полном составе проголосовали за его оправдание (Paus. III. 5. 2). Царь был оправдан с перевесом в 4 голоса, которые все принадлежали эфорам. Конечно, безусловная поддержка, которую оказала Павсанию вся коллегия эфоров 403/2 г. до н. э., свидетельствует о неприятии многими спартанцами слишком экспансионистской политики Лисандра. Консолидированная позиция эфоров в деле Павсания – пример редкого для Спарты единения эфората и царской власти. Такая коалиция была возможна только при наличии общего врага, каким для большей части спартанской аристократии с ее традиционно консервативными устоями стал Лисандр. Судейская коллегия 403 г. до н. э. признала Павсания невиновным и на протяжении всех восьми лет до второго суда над царем в Спарте сохранялся примерно тот же расклад политических сил, который проявился при голосовании. Ситуация изменилась в пользу врагов Павсания вскоре после того, как трон Еврипонтидов вместо не особенно популярного Агиса II занял Агесилай, вероятно, самый сильный и влиятельный из всех известных нам спартанских царей. Дождавшись первой же оплошности Павсания, его многочисленные враги во главе с царем Агесилаем затеяли новое судебное разбирательство.

В 394 г. до н. э. Павсания привлекли к суду не столько за военную неудачу – скорее она стала только предлогом, – сколько за старое «преступление» – мягкость, проявленную им по отношению к афинским демократам. Таким образом, его дважды судили за одно и то же преступление. Приговор был очень суровым – смертная казнь, но этот вердикт был вынесен уже в отсутствие Павсания. По-видимому, на этот раз Павсаний не сомневался в том, что будет осужден, и предпочел уйти в изгнание. Сам факт суда и строгость приговора уже в древности породили слухи, что Павсаний умышленно опоздал и не пришел вовремя на помощь Лисандру, чтобы погубить своего политического противника. Как бы то ни было, в суровости приговора можно видеть уступку многочисленным поклонникам Лисандра, которые наверняка требовали самого жесткого наказания для Пав-

сания. Но решимости казнить царя у общества в целом, по-видимому, не было. Надо думать, что власти сквозь пальцы смотрели на бегство Павсания в Тегею, где он и провел остаток своей жизни, пребывая в качестве молящего о защите в святилище Афины Алеи (Xen. Hell. III. 5. 25 – 6; Plut. Lys. 28 – 29; Diod. XIV. 89. 1). Весьма знаменательным является тот факт, что Павсаний бежал именно в соседнюю Тегею: он явно не опасался за свою жизнь. В противном случае он подобно гармосту Фив Лисанориду, приговоренному к огромному штрафу после позорной сдачи в 379 г. до н. э. Кадмеи (Plut. Pelop. 13), бежал бы за пределы Пелопоннеса. Наши источники, по-видимому, склонны преувеличивать степень страха перед депортацией, которую испытывали царственные изгнанники²⁴.

По всей видимости, спартанские власти не предпринимали никаких попыток насильно вернуть Павсания в страну и привести приговор в исполнение. Это легко понять, если вспомнить результаты голосования 403 г. до н. э., когда за оправдание Павсания проголосовала большая часть судебной коллегии. Конечно, и через 8 лет у него оставалось еще немало сторонников в правящей элите. В случае казни царя раскол общества был бы неизбежен. Осознание этого факта заставило власти пойти на разумный компромисс.

* * *

Еще одним стандартным способом удалить с политической арены царей или их наследников было обвинение в незаконном происхождении. В качестве официальных обвинителей в делах такого рода выступали, как правило, эфоры, поскольку именно им согласно закону было поручено следить за тем, чтобы цари были только из рода Гераклидов (Plat. Alc. I. 121b; Plut. Agis 11).

Демарат, царь из династии Еврипонтидов, правил с 515 по 491 гг. до н.э. С помощью такого стандартного обвинения в 492/1 г. до н. э. был лишен власти противник Клеомена I царь Демарат²⁵.

²⁴ Павсаний, находясь в Тегее, занимался не только сочинительством, но пытался влиять и на политику. Он водил дружбу с вождями мантинейских демократов и, возможно, даже лично прибыл в Мантинею, чтобы помочь своим друзьям, когда город был захвачен его сыном царем Агесиполидом I в 386 г. до н. э. (Xen. Hell. V. 2. 3).

²⁵ Рассмотрению и оценке этого сюжета в современной отечественной историографии посвящены следующие работы: Кулишова О. В. 1) Дельфийский оракул... С. 297 сл.; 2) Спартанский царь Клеомен и Дельфы. С. 65 – 88.

История вражды Клеомена и Демарата, приведшая обоих к потере власти, связана с их соперничеством за первенство, прежде всего в военной сфере. Демарат оказался сильным игроком, который воспользовался архаичным обычаем совместного руководства военными кампаниями для нанесения Клеомену чувствительного удара.

Первое их столкновение произошло в 506 г. до н. э. Спартанцы, не желая мириться с тем, что двумя годами раньше к власти в Афинах пришли изгнанные Клеоменом демократы во главе с Клисфеном (Her. V. 66 – 73; VI. 131; Arist. Ath. pol. 20 – 22), решили предпринять более серьезные усилия, чтобы впредь избавить себя от опаснейшего с их точки зрения афинского варианта демократии. В 506 г. до н. э. была подготовлена внушительная экспедиция, куда кроме лакедемонян вошли также союзные контингенты, а во главе согласно обычаю встали оба царя (Her. V. 74). Но в самый решительный момент перед сражением с афинянами Демарат со своей частью войска бросил Клеомена и удалился домой. По-видимому, Демарату не хотелось участвовать в установлении корпоративной тирании в Афинах, а самое главное – не хотелось, чтобы во главе Афин был поставлен ставленник Клеомена Исагор. Такое поведение Демарата привело к провалу военной кампании и вызвало ярость инициатора этого похода царя Клеомена.

Второй раз Демарат помешал Клеомену успешно завершить военное предприятие незадолго до похода Дария в Грецию. Когда Клеомен в 491 г. до н. э. направился к Эгине, чтобы взять в плен руководителей персофильской партии, Демарату с помощью интриг удалось расстроить его планы (Her. VI. 50 – 51; Paus. III. 4. 3). По словам Геродота, Демарат действовал «не столько в интересах эгинцев, сколько из зависти и злобы» по отношению к Клеомену (VI. 61). В результате Клеомен был срочно отозван в Спарту (Her. VI. 49 – 51; 61). Ни Геродот, ни Павсаний не говорят, в чем конкретно обвинял Демарат своего коллегу. Вполне вероятно, однако, что речь шла о подкупе: Демарат, скорее всего, утверждал, что Клеомен получил взятку от афинян, крайне заинтересованных в ослаблении Эгины.

История с провалом похода на Эгину, по-видимому, стала поворотным пунктом в отношениях между двумя царями. Демарат положил конец, по меньшей мере, двум очень важным внешнеполитическим инициативам Клеомена. Во всяком случае, Геродот,

характеризуя вражду обеих царей как «смертельную», объясняет ее тем, что «сначала Демарат отвел свое войско из Элевсина, а затем оклеветал Клеомена, когда тот переправился на Эгину, чтобы наказать там сторонников персов» (Her. VI. 64).

Клеомен, не имея никакого законного повода избавиться от Демарата, решил на явно противозаконные и очень рискованные для него самого действия. Он задумал совершить «дворцовый» переворот, заменив царя Демарата его троюродным братом Леотихидом, у которого была личная причина ненавидеть Демарата (Her. VI. 65). Не найдя никакого криминала в прошлой деятельности царя, заговорщики обратились к единственной оставшейся у них возможности избавиться от Демарата: они активно стали распространять слухи об его якобы незаконном происхождении (Her. VI. 61 – 64). Они ловко обратили в свою пользу необдуманную реплику Аристора, отца Демарата, сделанную в тот момент, когда он узнал о рождении сына. Так как очевидно имели место досрочные роды, Аристон опрометчиво заявил, что Демарат не может быть его сыном. Позднее он пожалел о своих словах и никогда больше не высказывал сомнений в отношении своего отцовства (VI. 63). Эта история и стала поводом для предъявления Демарату обвинения в незаконном происхождении. Официальным обвинителем в суде стал Леотихид. Принадлежа к тому же царскому дому, что и Демарат, он, вероятно, смог привести целый ряд правдоподобных аргументов в поддержку своей версии.

Однако несмотря на клятвенные показания претендента на трон Леотихида и старания царя Клеомена герусия не решилась вынести самостоятельный вердикт и послала дело в «высшую» инстанцию – в Дельфы к оракулу Аполлона. Такая практика – обращение к дельфийскому оракулу как последней и самой авторитетной инстанции – была для Спарты обычным явлением. Благодаря Геродоту, близко знакомому с дельфийскими жрецами и не считающему нужным скрывать их не всегда благовидные поступки, мы знаем подробности скандальной истории с получением необходимого Клеомену оракула: «Когда по наущению Клеомена дело это перенесли на решение Пифии, Клеомен сумел привлечь на свою сторону Кобона, сына Аристофанта, весьма влиятельного человека в Дельфах. А этот Кобон убедил Периаллу, прорицательницу, дать ответ, угодный Клеомену. Так-то Пифия на вопрос послов изрекла решение: Демарат – не сын Аристора. Впоследствии, од-

нако, обман открылся: Кобон поплатился изгнанием из Дельф, а прорицательница была лишена своего сана» (Her. VI. 66). В достоверности этого сообщения Геродота вряд ли можно сомневаться: хорошо зная многие закулисные местные истории, связанные с Дельфами, Геродот в данном случае счел нужным сообщить даже имена тех, через кого действовал Клеомен. Павсаний именно в связи с этой историей утверждал, что спартанцы были единственными, кто осмелился подкупить Пифию (III. 4. 5 – 6).

Предание свидетельствует, что дельфийские жрецы всегда выступали на стороне спартанских царей. Но в данном случае, поскольку спор шел между двумя царями, им пришлось делать выбор, и этот выбор оказался в пользу Клеомена. Его вполне справедливо сочли более влиятельным и авторитетным политиком, чем его оппонента Демарата. Клеомен уже отличился на военном поприще, изгнав Писистратидов из Афин (Her. V. 64 – 65; Arist. Ath. pol. 19) и совершив победоносный поход против Аргоса (Her. VI. 76 – 82; Plut. De mul. virt. 4; Paus. II. 20. 8 – 10). После удачных военных кампаний цари, как правило, отправляли в Дельфы немалые денежные суммы и подарки²⁶, и вряд ли Клеомен был здесь исключением.

Итак, путем сложной интриги, в которую было вовлечено и дельфийское жречество, Клеомен сумел добиться нужного ему изречения оракула и с его помощью убедил спартанцев в том, что Демарат не сын царя Аристора. Демарат после своей отставки какое-то время еще оставался в Спарте как частное лицо и даже был избран на какую-то должность (Her. VI. 67. 1). Как предполагают некоторые исследователи, это была должность эфора²⁷. Но, не добившись пересмотра своего дела, Демарат, в конце концов, покинул Спарту и нашел приют при дворе персидского царя, где и оставался до самой смерти (Her. VI. 61 – 70). В 480 г. до н. э. он сопровождал Ксеркса в его походе против Греции (Her. VII. 101 – 104; 209; 234 – 235; 239; VIII. 65; Diog. Laert. I. 72). В случае победы персов он, возможно, рассчитывал снова занять царский престол в Спарте.

---

²⁶ Царь Агесилай, ведущий войну против персидского царя в Малой Азии, в течение двух лет пожертвовал дельфийскому святилищу огромную сумму – около ста талантов (Xen. Hell. IV. 3. 21).

²⁷ Meier Mischa. Kleomenes I, Damaratos und das spartanische Ephorat // GFA. 2. 1999. S. 95 ff.

Раскол между Клеоменом и Демаратом – первый хорошо известный пример вражды между двумя царскими домами в Спарте. В дальнейшем почти все правительственные кризисы так или иначе будут связаны с взаимной враждой Агиадов и Еврипонтидов. Разногласия между царями культивировали и использовали в своих интересах разные политические силы. Как правило, цари являлись партийными лидерами противоборствующих политических группировок, отстаивающих интересы различных слоев спартанского гражданства. В целом перманентное состояние соперничества и вражды между двумя царскими родами было в интересах других властных институтов Спарты, особенно эфората.

Леотихид, сын царя Агиса II, законный наследник трона Еврипонтидов. Почти через столетие, в 399 г. до н. э., с помощью все той же уловки – обвинения в незаконном происхождении – был лишен прав на трон Леотихид (Xen. Hell. III. 3. 1; Plut. Alc. 23. 7 – 8; Lys. 22. 4 – 6; Ages. 3. 6; Paus. III. 8. 7 – 10). В Спарте ходили слухи, что он сын не царя Агиса II, а Алквиада и потому не может считаться законным наследником царского дома Еврипонтидов (Xen. Hell. III. 3. 2). Сама интрига против Леотихида, по-видимому, была задумана еще до смерти его отца. Недаром Агис, подозревая или даже точно зная о существовании заговора против сына, незадолго до смерти в присутствии свидетелей объявил Леотихида своим законным наследником (Plut. Lys. 22; Ages. 3).

Без поддержки эфоров Агесилай, даже с помощью Лисандра, не смог бы узурпировать власть, объявив законного наследника Леотихида плодом прелюбодеяния. Ведь именно в обязанности эфоров входило наблюдать за тем, чтобы цари были только из рода Гераклидов (Plat. Alc. I. 121 В: «...жены в их государстве охраняются эфорами, дабы по возможности предотвратить тайное рождение царя не от потомков Геракла»). И, по словам С.Я.Лурье, «было бы удивительно, если бы не нашлось ни одного эфора, чтобы засвидетельствовать, что Агис когда-то отрекся от Леотихида»²⁸.

В ходе борьбы за трон обе стороны прибегали к самым разнообразным средствам, в том числе и к аргументам религиозного плана. Так профессиональный хресполог Диопиф, знавший, по словам Плутарха, «много старинных прорицаний и считавшийся сведущим в божественных делах», будучи сторонником Леотихида,

²⁸ Luria S. Zum politischen Kampf in Sparta gegen Ende des 5. Jahrhunderts // Klio. Bd. 21. 1927. Hf. 3/4. S. 413.

извлек на свет древнее пророчество, когда-то данное спартанцам. Он же предложил и свой комментарий, не оставляющий сомнений, что данное изречение направлено непосредственно против Агесилая, страдающего хромотой: ведь телесные недостатки, как известно, препятствовали достижению царского сана:

«Спарта! Одумайся ныне! Хотя ты, с душою надменной,
Поступью твердой идешь, но власть взрастишь ты хромоту.
Много придется тебе неожиданных бедствий изведать,
Долго хлестать тебя будут войны губительной волны»
(Plut. Lys. 22, пер. М. Е. Сергеевко).

Это стихотворное пророчество в качестве главного аргумента обвинения было зачитано Диопифом во время судебного разбирательства. Однако Лисандр с присущей ему изворотливостью обратил его против Леотихида. Он заявил, что «божество не имеет в виду хромоту как физический недостаток, но скорее предписывает остерегаться, чтобы престол не занял человек, не принадлежащий к царскому роду» (Xen. Hell. III. 3. 3).

Судьбу трона Еврипонтидов, возможно, решил не обычный для Спарты суд – геронты вкупе с эфорами²⁹, а апелла, народное собрание Спарты³⁰. При отсутствии четких разграничений полномочий между отдельными органами власти и расплывчатости всей судебной системы, основывающей свои решения не на писаных законах, а на обычаях и прецедентах, выбор судебной коллегии, как кажется, зависел от конкретной расстановки политических сил. Ксенофонт, описавший этот судебный процесс, завершил свой рассказ словами, что «город избрал царем Агесилая» (Hell. III. 3. 4). Под «городом» Ксенофонт, возможно, имел в виду апеллу, собрание всех полноправных граждан Спарты. Конечно, за этой слишком общей формулировкой вовсе не обязательно имелась в виду спартанская апелла, но полностью исключить такую возможность нельзя.

---

²⁹ У нас нет точных сведений касательно того, кому принадлежала привилегия судить спартанских царей. Скорее всего, *de jure* это право принадлежало спартанской апелле. Но обычной практикой, по-видимому, было делегирование этого права трибуналу, состоящему из геронтов и эфоров. Царь Павсаний в 403 г. до н. э. был судим и оправдан именно таким составом суда (Paus. III. 5. 2).

³⁰ Такого мнения в частности придерживались авторы статьи о спартанском правосудии Р. Боннер и Г. Смит (Bonner R., Smith G. Administration of Justice in Sparta // CIPh. Vol. 37. 1942. № 2. P. 128 f.).

Рассказ Ксенофонта о суде – лучшее описание спартанской судебной процедуры, какую нам сохранила традиция. Из слов Ксенофонта можно понять, что на суде имело место состязание сторон: с речами выступили Диопиф, защитник Леотихида, и Лисандр, его обвинитель. Спартанцы прислушались к мнению самого влиятельного на тот момент человека в Спарте – Лисандра, желавшего видеть на троне своего друга и покровителя Агесилая. В результате верх одержало не буквальное, а фигуральное толкование данного оракула-загадки³¹, и престол занял хромой Агесилай, а не законный наследник Леотихид. Последний лишился не только трона, но и имущества своего отца, поскольку он официально был объявлен незаконнорожденным (Plut. Ages. 4). О дальнейшей судьбе Леотихида ничего не известно. Скорее всего, он покинул Спарту точно так же, как в свое время это сделал Демарат.

Спорное толкование двусмысленного пророчества, вероятно, не дельфийского происхождения³², и отказ от попытки проконсультироваться по данному вопросу с Дельфами не способствовали росту авторитета Агесилая. Последний буквально через год после начала своего правления столкнулся с очень серьезной угрозой как для государства, так и для себя лично – заговором Кинадона (Xen. Hell. III. 3. 4 – 11). Возможно, одним из лозунгов заговорщиков было отстранение от власти Агесилая, как узурпатора, хитростью и интригами захватившего трон Еврипontiдов. Агесилай, по видимому, всегда чувствовал известную шаткость своего положения. И, несмотря на бесспорные военные успехи, он в отличие от других царей, всегда проявлял демонстративно подчеркнутое уважение к эфорам и готовность беспрекословно подчиняться их решениям (Xen. Hell. 3. 3. 3; Plut. Ages. 2).

³¹ Для многих греческих оракулов было характерно единство мантики и поэзии. Написанные поэтически загадочным языком, они подчас были настолько темны и неясны, что допускали разные варианты их толкования

³² Вопрос о том, имеет ли это предсказание какое-либо отношение к Дельфам, спорен. Ксенофонт говорит о нем как о «пророчестве Аполлона» (Hell. III. 3. 3). Плутарх, приведший полный текст данного пророчества, не называет его дельфийским. Павсаний, единственный из всех древних авторов, утверждает, что это был именно дельфийский оракул (III. 8. 9). Но если учесть, что Ксенофонт, самый ранний наш автор, называет Диопифа хреспологом, сведущим в древних откровениях, то можно предположить, что данное пророчество было извлечено им из какого-то сборника аполлоновских предсказаний, возможно чисто местного происхождения.

Судя по этим двум примерам (Демарат и Леотихид), обвинение в незаконном происхождении было политическим оружием в династической борьбе. Возбуждали эти дела эфоры, и именно от их консолидированного решения зависел окончательный выбор общины.

Леонид II, царь из династии Агиадов, правил с 252 по 235, с перерывом между 243 и 241 гг. до н.э. Но были и такие случаи в спартанской истории, когда царю невозможно было предъявить какого-либо серьезного обвинения, а следовательно невозможно было и организовать хоть сколько-нибудь убедительный судебный процесс. Однако при настоятельной нужде существовали способы воздействия и на таких безупречных с правовой точки зрения царей. Об одном таком экзотическом и редко применяемом варианте устранения царей рассказывает Плутарх в связи с изгнанием царя Леонида.

О Леониде как самостоятельной политической фигуре мы мало что знаем. Он был сыном Клеонима и принадлежал к младшей ветви Агиадов. Подобно своему отцу, Леонид не имел надежды когда-либо занять царский трон в Спарте и потому, как многие его соотечественники, предпочел прозябанию на родине военной и дипломатической службе за границей.

Молодость он провел на Востоке при дворе престарелого Селевка I и даже женился там на дочери какого-то сирийского правителя, от которой имел детей (Plut. Agis 10. 4; 11. 2, 6; 3. 9). Однако после гибели царя Акротата около 260 г. до н. э. Леонид вернулся в Спарту, чтобы стать опекуном его сына и своего внучатого племянника Арея II (Agis 3. 8; Paus. III. 6. 6). После смерти малолетнего Арея он занял престол Агиадов, поскольку прямых наследников не осталось. В Спарте Леонид пользовался не очень хорошей славой как человек, развращенный восточной роскошью, беспринципный и по-азиатски высокомерный, менее всего склонный следовать «отеческим» обычаям и нравам. Он появляется на политической арене только в связи с проводимыми царем Агисом IV радикальными социальными реформами. Царственный вельможа, Леонид стал лидером очень немногочисленного имущего сословия, заинтересованного в сохранении существующего политического режима. Как глава консервативной оппозиции, Леонид пытался воспрепятствовать реформаторским планам своего молодого коллеги, распространяя порочащие Агиса слухи о стремлении того к тирании (Plut. Agis 7). Странники Агиса в свою очередь нашли

предлог для его обвинения. Ему инкриминировали то, что он не только поселился в чужой стране, но даже в бытность свою на Востоке женился на местной уроженке и имел от нее детей. Компанию против Леонида организовал Лисандр, человек уже немолодой и весьма уважаемый в Спарте. Он один из немногих аристократов старшего поколения стал на сторону Агиса. По праву эфора он решил привлечь Леонида к суду «на основании одного древнего закона, запрещавшего Гераклидам приживать детей с чужестранкой и грозившего ему смертью, если он покидает Спарту, чтобы поселиться в другой стране» (Plut. Agis 11). Плутарх – единственный автор, который упоминает о подобном законе. Скорее всего, речь могла идти не столько о писаном законе, сколько о многовековой практике, вписывающейся в общую концепцию ксенеласии³³. Леонид, проводивший многие годы за границей, стал для спартанцев чужеземцем, к которому позволительно было применить, пусть и в искаженной форме, освященный еще Ликургом традиционный правовой институт. Диффамация Леонида, скорее всего, проходила в рамках именно такой «новой» концепции ксенеласии.

Однако, понимая шаткость и призрачность подобного обвинения, царь Агис и его ближайшие соратники решили привлечь на свою сторону божество (в Спарте это был бесприоритетный вариант). Они прибегли к священному обряду, о котором впервые упоминает Плутарх именно в связи с царем Леонидом. Мы не знаем, когда появилась эта религиозная практика, но нельзя исключить того, что она восходит к глубокой древности. С другой стороны, поскольку случай с Леонидом – единственный пример, когда этот ритуал упомянут, то возможно перед нами остроумное изобретение, придуманное *inopiae causa*³⁴. Сам обряд был основан на представлении о какой-то глубинной связи спартанских царей с миром богов. С его помощью один царь, имеющий большую поддержку в обществе, получал возможность избавиться от своего оппонента без предьяв-

³³ О ксенеласии см.: Зайков А.В. Спартанские ксенеласии // Античная древность и средние века. Вып. 30. Екатеринбург, 1999. С. 6 – 25; Figueira Th. J. *Xenelasia and social control in classical Sparta* // CQ. 53. 2003. № 1. P. 44 – 74.

³⁴ Против такого скептического подхода возражает автор нового *opus magnum* по эфору француз Николя Ришер (Richer N. *Les éphores. Études sur l'histoire et sur l'image de Sparte* (VIIIe–IIIe siècle avant Jésus-Christ). Paris, 1998. P. 510).

ления тому какого-либо конкретного обвинения. Плутарх подробно описывает всю процедуру этого весьма необычного религиозного действия (Agis 11). По его словам, с периодичностью в девять лет цари подвергались особому рода религиозным испытаниям. Суть их состояла в том, что в каждый девятый год эфоры наблюдали за небом и если они видели падучую звезду на определенном участке неба, то это считалось знаком того, что царь в чем-то провинился по отношению к богам. Власть такого царя тот час же отменялась до тех пор, пока на запрос из Спарты не приходил ответ дельфийского оракула (Plut. Agis 11). Как правило, мнение пифии было благоприятно для спартанских царей, и данное религиозное испытание оставалось чистой формальностью. Однако само наличие подобного законного способа отстранения царей от власти давало в руки их оппонентам удобное средство для избавления от неудобного царя. Вполне возможно, что враги того или иного царя специально приурочивали выдвижение своих претензий ко времени вышеназванного религиозного испытания. Царь Леонид, политический противник знаменитого царя-реформатора Агиса, лишился власти именно таким способом. Царя осудили *in absentia*, поскольку он не решился явиться на суд. Обвинений в нелояльности по отношению к своему отечеству хватило, чтобы приговорить Леонида к лишению царского сана. Это весьма сомнительное решение было оформлено как божественное волеизъявление.

В случае с Леонидом обращает на себя внимание то, что он не стал дожидаться приговора, и, боясь за свою жизнь, сначала скрывался в храме Афины Меднодомной, а потом тайно бежал в Тегею. Такое его поведение Плутарх объясняет страхом перед внесудебной расправой (Agis 11), и этот страх был вполне обоснован: эфор Агесилай, сторонник Агиса, «послал вдогонку убийц, которые должны были расправиться с ним в пути». Но, согласно романтической версии Филарха, благородный Агис спас Леонида, отправив для его охраны «верных ему людей» (Agis 12). История с бегством Леонида имеет только одно объяснение: во 2-й половине III в. до н. э. суд в Спарте превратился в рудиментарный орган, сохраняемый исключительно для внешней благообразности и для поддержания иллюзии о неизменности прежних устоев. В реальной жизни господствовали внесудебные решения, и царь Леонид это понимал лучше, чем кто-либо другой.

В 243 г. до н. э. Леонид оказался в изгнании в Тегее. Но через год, воспользовавшись резким падением авторитета Агиса, опаль-

ный царь вернулся в Спарту и при поддержке эфоров и собственных наемников снова занял трон Агиадов. Вокруг него объединились все противники реформ Агиса. По его приказу в 241 г. до н. э. царь-реформатор был казнен. Леонид оставался царем вплоть до своей смерти в 235 г. до н. э. Причем в эти последние семь лет после своего возвращения из изгнания Леонид, вопреки многовековому обычаю, правил один, без соправителя из другого царского дома. При нем таким образом впервые была осуществлена на практике давно наметившаяся тенденция к трансформации традиционной спартанской диархии в монархию.

Агис IV, царь из династии Еврипонтидов, правил с 244 по 241 гг. до н.э. Агис был первым царем Спарты, который попытался восстановить ее военную мощь путем увеличения гражданского ополчения. Но это невозможно было сделать без кардинальных перемен в экономической и социальной жизни спартанского общества, разьедаемого уже по крайней мере с конца V в. до н. э. медленной эрозией. К III в. до н. э. Спарта из-за огромного дисбаланса в распределении земли и долгового вопроса оказалась примерно в том же состоянии, в котором большинство греческих полисов пребывало в эпоху архаики. Для многих из них преодоление кризиса стало возможно благодаря установлению тиранических режимов.

Проблемы, которые встали перед царем-реформатором, не были феноменом III в. до н. э. Они возникли гораздо раньше. Об олигантропии, т. е. сокращении гражданского населения, и концентрации земли в руках немногочисленной спартанской элиты писал еще Аристотель в 30-х годах IV в. до н. э. (Pol. II. 6. 11–12, p. 1270 a). А к моменту вступления на престол Агиса IV уже ни одну внешнеполитическую задачу невозможно было решить без значительной перестройки социальной структуры общества. Бездействие могло привести не только к потере независимости, но даже к исчезновению Спарты как государства.

Агис добился принятия целой серии социально-экономических реформ, в т. ч. отмены долгов и раздачи земли. Свои радикальные реформы он проводил под лозунгом возврата к священным законам Ликурга. Такое обращение к авторитету великого законодателя было абсолютно правомерным в обществе глубоко консервативном и верящим в то, что идеальные модели общественного устройства существовали в далеком прошлом. В кризисной ситуации любые нововведения имели шансы стать законами в

Спарте, если только были покрыты патиной древности, и Агис «был не единственным спартанцем своего времени, пропитанным атмосферой атактистической реставрации»³⁵.

Что несколько удивляет в поведении Агиса, это его обращение за божественной помощью не в Дельфы, а в местное святилище Пасифаи в Таламах (Plut. Agis 9)³⁶. Это кажется тем более странным, что многие его предшественники начиная с легендарного Ликурга считали Дельфийский оракул *fons* и *origo* всей спартанской политической системы. Ни один серьезный закон не принимался в Спарте без санкции Дельф. Чем был обусловлен выбор Агиса, неизвестно. Возможно, свою роль сыграл местный патриотизм: святилище Пасифаи, уходящее своими корнями еще к ахейцам, могло позиционироваться как более древнее, чем Дельфийский оракул. Кроме того, контроль этолийцев над Дельфами делал это святилище менее привлекательным для спартанцев, чем это было в предшествующие эпохи. Но более вероятным является предположение, что Агису легче было получить нужное ему прорицание из храма, расположенного на территории периеков, чем у дельфийского Аполлона. Ведь в успехе его реформ не в последнюю очередь были заинтересованы периеки, среди которых он собирался распределить 15 тысяч новых клеров (Plut. Agis 8). Вторая возможная причина обращения в местное святилище заключается в том, что в Дельфах юный царь, возможно, пользовался меньшим авторитетом, чем его враг царь Леонид, давно уже находящийся у власти. Нужное прорицание Агис, скорее всего, получил через посредство эфора Лисандра, который в свою очередь был выбран на эту должность благодаря стараниям юного царя (Agis 8. 1). Как свидетельствуют литературные тексты и надписи, оракул Пасифаи несомненно был связан с эфорами (IG V. 1. 1317; Plut. Cleom. 7. 2 – 3).

Желая оставаться в рамках правового поля, Агис в начале своих реформ действовал через обычные для Спарты каналы принятия политических решений: герусию, эфорат и апеллу. Конечно, большая часть бедных граждан, потерявших свои клеры и опустившихся до положения т. н. гипомейонов, горячо поддержали Агиса. Кро-

---

³⁵ Cartledge P.; Spawforth A. *Hellenistic and Roman Sparta*. L. – N.Y., 1989. P. 46.

³⁶ Таламы – община периеков на восточном побережье Мессенского залива.

ме того, ему удалось сплотить вокруг себя часть молодых людей из богатых семей, вдохновленных, как и он, модными тогда идеями стоиков о возврате к старинным добродетелям предков³⁷. Агис смог привлечь в свою партию реформаторов не только молодежь, но и некоторых весьма влиятельных в Спарте людей: Лисандра, потомка победителя при Эгоспотамах, Мандроклида, блестящего политика, и своего дядю по матери Агесилая, владевшего редким для Спарты ораторским даром. К Агису, по-видимому, примкнула та часть крупных землевладельцев, которая подобно Агесилаю была отягощена долгами (Plut. Agis 6. 4; 13. 2)³⁸.

Однако основная масса имущих спартиатов оказала ему яростное сопротивление. Ведь Агис хотел сломать давно устоявшийся порядок, при котором все богатство страны оказалось в руках узкого слоя олигархов. Эта незначительная по своему количеству, но исключительно влиятельная группа возглавлялась царем Леонидом II. Агису не удалось преодолеть сопротивление этой партии, тем более что на ее стороне была вся коллегия эфоров 243/242 г. до н. э. Далее события развивались по совсем другому сценарию,

---

³⁷ Плутарх определяет врагов и друзей реформы не по их социальному положению или политическим взглядам, но по их возрасту. Это разделение граждан на добродетельную молодежь и коррумпированных стариков, без сомнения, отражает, с одной стороны, морализаторский взгляд Филарха, с другой стороны, является результатом фактического положения вещей: спартанская молодежь в силу своей молодости и полученного в школе стоиков образования была более подготовлена к восприятию новых идей.

³⁸ Существует точка зрения, что Агис действовал самостоятельно. Им ловко манипулировал его дядя Агесилай, в руках которого юный царь был просто игрушкой. Таково, в частности, мнение Ю. Белоха. Он видел основную причину реформ Агиса в конфликте между задолжавшими крупными землевладельцами и их кредиторами, т. е. между двумя группами внутри одного и того же сословия знатных и богатых спартиатов (Beloch K.J. Griechische Geschichte. 2. Aufl. Bd. IV. 1. S. 324 ff.; IV. 2. Leipzig, 1927. S. 115). Однако эта интерпретация не согласуется с данными традиции (Plut. Agis 19. 4) и не поддерживается большинством исследователей. См. особенно: Fuks A. The Spartan Citizen Body in the Mid-Third Century B. C. and the Enlargement proposed by Agis IV // *Athenaeum*. 40. 1962. P. 244–63; Oliva P. Sparta and her social Problems. Prague, 1971. P. 214 ff.; Shimron B. Late Sparta. The Spartan Revolution 243–146 B.C. Buffalo, 1972. P. 14 ff.; McQueen E. I. The Eurypontid House in Hellenistic Sparta // *Historia*. Vol. 39. 1990. N. 2. P. 176 f.

чем первоначально планировал Агис. Силовыми методами, правда без пролития крови, Агис отстранил от власти всех законно избранных эфоров и назначил на их место своих ставленников. С их помощью под надуманным предлогом он добился детронизации своего главного оппонента царя Леонида, на его место посадил Клеомброта II и с помощью своего друга Лисандра, эфора «нового» призыва (242/241), провел наконец закон об отмене долгов, демонстративно приказав сжечь все долговые обязательства на спартанской агоре. Однако Агис не успел осуществить самой важной части задуманных им реформ – перераспределить землю в пользу люмпенизированной части гражданства и периеков.

Почему Агис начал с отмены долгов, меры, которая затрагивала интересы незначительной по своей численности имущей части гражданства, не совсем понятно. Такой порядок проведения реформ согласно Плутарху был навязан Агису его дядей Агесилаем, имевшим большие долги (Plut. Agis 13. 4). Плутарх утверждает, что Агиса убедила аргументация Агесилая, который утверждал, что, «если осуществить оба намерения разом, в городе начнется настоящий мятеж, но если сперва угодить землевладельцам отменой долгов, они потом мирно и спокойно согласятся на передел» (Agis 13). То что Агис пошел на поводу Агесилая частично можно объяснить политической наивностью и нерешительностью юного царя. Он не сумел преодолеть глубокого уважения к Агесилаю, человеку намного старше себя и к тому же своему ближайшему родственнику³⁹.

Реформы были прерваны в 241 г. до н. э., когда Агис вынужден был покинуть Спарту. Во главе спартанского войска он отправился к Истму на помощь своему союзнику Арату, чтобы принять участие в кампании против этолийцев. Но Агиса казалось преследовали неудачи: Арат отказался от его помощи⁴⁰, и спартанскому

---

³⁹ Уважение к старшим по возрасту и положению с младенчества внушалось всем без исключения спартиатам. Высшей правительственной коллегией Спарты была герусия – совет старейшин. Слово геронт (букв. «старик») в Спарте, в отличие от Европы нового времени, имело большой положительный заряд. Осмелимся заметить, что в России на наших глазах произошла взрывная трансформация отношений молодого поколения к старшему от традиционно почтительного к нетрадиционному, сугубо негативному, или в лучшем случае абсолютно безразличному.

⁴⁰ О возможных причинах отказа см.: Cartledge P.; Spawforth A. *Hellenistic and Roman Sparta*. P. 47.

царю бесславно пришлось вернуться домой. Ничто так не могло повредить престижу и авторитету Агиса, как неудача на военном поприще, какими бы причинами она не объяснялась.

Воспользовавшись отсутствием Агиса, его враги совершили государственный переворот и вернули на трон Леонида II. Действовали они исключительно силовыми методами. Никакого серьезного сопротивления им не было оказано. Народ оставался пассивным, поскольку от реформ ничего не получил – обещанной раздачи земли так и не произошло. Олигархическая оппозиция во главе с вернувшимся из изгнания Леонидом поставила своей целью не только уничтожить все законодательные инициативы Агиса, но избавиться и от самого царя-реформатора. Агис не решился развязать гражданскую войну, хотя, скорее всего, часть армии была к нему лояльно настроена. Он распустил своих людей, и, опасаясь за свою жизнь, бежал в храм Афины Меднодомной, как это сделал почти за два с половиной столетия до него регент Павсаний. Леонид обманом выманил Агиса из этого убежища, обещая ему полную амнистию. Агис, добровольно покинувший храм, тут же был арестован. Его доставили в тюрьму и в срочном порядке провели судебное заседание, результат которого был заранее известен. Судьями стали эфоры 241/240 г. до н. э., которые своим назначением были обязаны исключительно царю Леониду⁴¹, и часть геронтов, сторонников расправы над Агисом. Партия Леонида явно хотела соблюсти хотя бы видимость законности. Ведь судить царя, а тем более приговорить его к смерти могла только собравшаяся в полном составе герусия вместе с коллегией эфоров и вторым царем⁴². Формально этот закон был почти соблю-

---

⁴¹ К III в. до н. э. эфорат давно уже перестал быть тем институтом, который когда-то создавался для противовеса аристократии и в состав которого входили граждане, избираемые из всего гражданского коллектива. Теперь он превратился в «аристократический заповедник». Цари старались «протолкнуть» в число эфоров близких им людей. О деградации этого института ярче всего свидетельствует поведение эфоров в период реформ Агиса и Клеомена. Все спартанские цари, вовлеченные в этот конфликт, использовали эфорат как безотказный инструмент в их борьбе друг с другом.

⁴² Возможно, именно такой состав трибунала назывался в Спарте малой экклесией в отличие от большой экклесии, или спартанской апеллы. В своем рассказе о заговоре Кинадона (398 г. до н. э.) Ксенофонт упоминает ряд важных деталей, характеризующих судебную практику в Спарте. По

ден. Правда не все 28 геронтов присутствовало на суде, а только те, кто, по словам Плутарха, «были одного с ними (эфорами) образа мыслей» (Agis 19). После недолгого разбирательства, больше похожего на фарс, тут же в тюрьме эфоры вынесли Агису смертный приговор, который немедленно был приведен в исполнение. С такой поспешностью в Спарте никогда не расправлялись с царями.

Тюремная прислуга, а за ней и наемники отказались исполнить приказ и казнить Агиса, поскольку даже в эти поздние времена еще сохранялось представление о неприкосновенности царских особ. Судя по сообщению Плутарха, эфорам лично пришлось осуществлять вынесенный ими же приговор. Агиса повесили. Плутарх пишет о казни царя как о неслыханном святотатстве (Agis 19; 21). Вместе с Агисом были убиты его мать и бабка, причем в отличие от царя женщины погибли без какого-либо судебного разбирательства. Плутарх рассказывает о том ужасе, которым был охвачен город после известия о расправе над Агисом. «Когда весть об этом страшном событии разнеслась по городу и из тюрьмы были вынесены три мертвых тела, страх оказался не настолько силен, чтобы граждане захотели или же смогли хоть сколько-нибудь скрыть свое горе и свою ненависть к Леониду и Амфарету, ибо ни разу еще с тех пор, как дорийцы населяют Пелопоннес, не случалось в Спарте ничего более ужасного и нечестивого. Сколько можно судить, на царя лакедемонян даже враги не решались занести руку...» (Agis 21).

Неосуществленные планы Агиса были полностью реализованы в 227 г. до н. э. новым спартанским царем Клеоменом III. Этот царь в отличие от Агиса полностью отказался от конституционных мер и с помощью армии наемников осуществил государственный переворот, уничтожив эфорат и отправив в изгнание всех своих политических противников.

* * *

Подведем некоторые итоги представленного выше обзора. Спартанские цари нередко отступали от нормативного, обязатель-

---

его словам, эфоры, придя в ужас от полученного известия о масштабах заговора Кинадона, «не созвали даже так называемой малой еkkлeсии, но лишь некоторые геронты собрались группами» и вынесли решение (Hell. III. 3. 8). На основании этого свидетельства Ксенофонта можно предположить, что малой еkkлeсией называлась в Спарте судебная коллегия, в состав которой кроме эфоров входили все 28 геронтов.

ного для всех граждан способа поведения и выказывали склонность к индивидуальным проявлениям личной воли. Именно поведенческие отклонения от нормы были главной причиной преследования царей со стороны общины, и основным средством в этом преследовании был надзор эфоров.

Серия судебных процессов и депортаций царей в V – начале IV вв. до н. э. была инициирована в основном коллегией эфоров. Этот институт, органически встроившись в олигархическую иерархию, занял в ней ключевое место и возглавил спартанское судебное правосудие. Все, как судебные, так и внесудебные решения в отношении главных политических лиц государства принимались герусией совместно с эфорами, причем эфорат в этом тандеме выступал в качестве движущей силы.

Согласно традиции впервые эфоры были привлечены к суду над царем Клеоменом I. Его коллега и соперник царь Демарат воспользовался эфоратом как судебно-правовой коллегией. Таким образом, был создан прецедент, оказавший большое влияние на будущее. Начиная с Клеомена царям, обвиняемым в каком-либо преступлении, придется оправдываться прежде всего перед эфорами. Клеомен стоит в начале длинного списка царей или претендентов на царский трон, которые привлекались к суду, иногда и не по одному разу. Так дважды судимы были царь Клеомен, регент Павсаний, царь Агис II, царь Павсаний. По одному разу привлекались к суду царь Демарат, царь Леотихид II, царь Плистоанакт, сын царя Агиса II Леотихид. Стоит обратить внимание на результаты судебных разбирательств, имевших место в V – начале IV вв. до н. э. В отличие от эрзац-судов времен царей реформаторов Агиса и Клеомена, в классический период судебная система в Спарте не была фиктивной. Это доказывает серия оправдательных решений в отношении царей и разнообразие приговоров. Так дважды по суду были оправданы царь Клеомен и регент Павсаний. Цари Плистоанакт и Агис II были присуждены к большим штрафам, причем Агис добился второго суда, на котором был оправдан. Царь Демарат по суду был объявлен незаконнорожденным и лишился царского звания. Такое же решение было принято в отношении сына Агиса II Леотихида. Павсаний был единственным царем, которого присудили к смертной казни в результате правильного судебного процесса. Надо заметить, что он стоит последним в списке царей, судимых между началом V и началом IV вв. до н. э.

Характерной чертой судебной системы Спарты была фактическая замена одного приговора другим. Так целому ряду царей, приговоренных к большим штрафам (Леотихид II, Плистоанакт) или даже смертной казни (царь Павсаний), предоставили возможность уйти в изгнание и не делали никаких попыток силой вернуть их на родину.

Такое поведение властей объясняется, по-видимому, двумя главными причинами. Во-первых, для политических оппонентов того или иного царя вполне достаточно было удалить их из Спарты. Добиваться буквального исполнения приговора никто из правящей элиты не хотел. Ведь это могло привести к усилению внутрипартийной борьбы и росту политической нестабильности в стране. По словам С. Я. Лурье, «все цари, которые не подчинялись господствующей партии, устранялись или как предатели и взяточники или как внебрачные дети. Конечно, вполне возможно, что то или иное обвинение было обоснованным; однако кто может быть столь легкомысленным, чтобы верить, будто все цари, принадлежащие к оппозиции, совершили или тяжкое преступление или же были незаконнорожденными?»⁴³

Вторая причина известной мягкости, проявляемой в отношении осужденных царей, – представление об их божественном происхождении. Это представление было очень сильным сдерживающим фактором против насилия над спартанскими царями. Даже царям, совершившим серьезные государственные преступления, давали, как правило, возможность провести остаток своих дней в изгнании. Обычная картина спартанской действительности – это изгнанник-царь, проводящий многие годы где-нибудь на священной храмовой территории соседних со Спартой государств – Аркадии или Элиды (Her. VI. 72; Paus. III. 7. 9 – 10: Леотихид; Thuc. V. 16. 3: Плистоанакт; Xen. Hell. III. 5. 25; Plut. Lys. 30. 1: Павсаний; Plut. Agis 16. 6: Леонид; Plut. Agis 18: Клеомброт). Поднять руку на царя считалось страшным преступлением, на которое не решались даже чужеземцы (Plut. Agis 21). До самых поздних времен эллинизма сохраняются отголоски былой неприкосновенности царя. Так тюремная прислуга и наемники не решаются исполнить приговор над Агисом IV (Plut. Agis 19; 21).

Однако в истории Спарты были случаи внесудебной расправы над царями. Все они относятся или ко времени ранней классики или уже к периоду позднего эллинизма. Первая известная нам вне-

---

⁴³ Luria S. Zum politischen Kampf in Sparta... S. 420.

судебная расправа над царем имела место около 488 г. до н. э. Был принужден к самоубийству или же казнен царь Клеомен. Через несколько лет точно таким же внесудебным способом избавились от регента Павсания. Но эти внесудебные расправы были эксцессами, на повторение которых спартанские власти не скоро решились. В следующий раз в истории Спарты царя казнят, фактически без суда, через 250 лет после гибели Клеомена и Павсания (Plut. Agis 19 – 20: Агис IV в 241 г. до н. э.). Столь длительный мораторий на смертную казнь в отношении царей, помимо соображений религиозного плана, можно объяснить, прежде всего, опасением вызвать политический кризис в стране. Неуклюжая расправа над Клеоменом была слишком опасным для стабильности всей политической системы эксцессом, чтобы этот опыт повторять. И спартанские цари, и их антагонисты эфоры, научились разрешать конфликтные ситуации более цивилизованным способом, не прибегая к крайним формам насилия. Постепенно был выработан менее болезненный для общины способ избавления от неудобных царей. Им, даже в случае официально вынесенного смертного приговора, давали возможность уйти в изгнание. Эта форма изгнания, применяемая в Спарте, напоминает ostracism в Афинах⁴⁴.

Гражданский коллектив Спарты, скорее всего, был в очень малой степени вовлечен в судебный процесс, хотя нельзя полностью исключить того, что в некоторых случаях судебные разбирательства могли происходить непосредственно в апелле. Как бы то ни было, правящей корпорации приходилось учитывать общественное мнение, которое, по крайней мере вплоть до позднего эллинизма, канализировалось через такие гражданские институты как общественные обеды (сисситии).

---

⁴⁴ На это сходство обратил внимание И. Е. Суриков. «Как известно, эфоры своим решением могли даже отстранить чрезмерно “возвысившегося” царя от власти. Это, между прочим, тоже можно назвать одной из форм “протоостракизма”, хотя, конечно, формой весьма специфической» (Суриков И. Е. Функции института ostracism и афинская политическая элита // ВДИ. 2004. № 1. С. 17).